

ИСТОКИ ВОЕННО-СЛУЖЕБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗВЕСТИЙ)

Ключевые слова. Дружина, княжеская служба, восточные славяне, управление, дружинная культура.

История государственной службы в России уходит своими корнями в эпоху, не знающую право, и оттого темную в смысле юридического ее положения. Да и дошедшие до нас источники, самодостаточные лишь в силу их единичной сохранности, носят обрывочный и в не меньшей степени противоречивый характер. Трудности историко-правового анализа истоков государственной службы лежат еще и в самом укладе жизни догосударственных обществ, населявших известную на то время древнеславянскую территорию. Но феноменальность протогосударственного периода развития службы как раз в том и заключается, что в условиях, пока достаточно далеких от публично-территориального образования, зарождается дружина – институт, поначалу хоть и варварский, но определенно значимый с точки зрения строительства русской государственности.

В точности определить зарождение в восточнославянской среде названного института не представляется возможным. Наиболее продвинутые в этом вопросе исторические исследования, включая археологические данные, регистрируют наличие военных дружин не каким-то конкретным временем, а периодом с тысячелетним интервалом. Поэтому, думается, нет никакой необходимости опираться на преобладавшие ранее точки зрения о том, что дружина у восточных славян появилась с летописным призыванием на Русь варягов. Однако уже в дореволюционной литературе встречались высказывания, если и неверно датирующие появление дружин, то связывающие это с определенными историческими свидетельствами¹.

© Максимова Н.А., 2012.

* Кандидат юридических наук, доцент, докторант Саратовской государственной юридической академии. [maximovana@mail.ru]

¹ Так, И.Е. Забелин связывает формирование дружин на Руси с возникновением городов, концентрация населения в которых нарушала родовые связи, взамен которых зарождались новые – дружинные (Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 549–557). Другой дореволюционный исследователь – М.С. Грушевский полагал, что в южную Русь «дружинный элемент не пришел ... извне», а «развился на месте, из исторических условий жизни самой полянской общины» прежде всего как ее реакция на даннические притеснения древлян второй половины VIII в. и «для систематической борьбы» с иноземной властью (Грушевский М. Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891. С. 291–292).

Письменные источники, датируемые начиная с VII в. до н.э. по VI в. н.э. и позднее, связывают славян с венедами. Это еще не одно племя и даже не союз, а лишь этнически консолидированная главным образом от знаменитого «янтарного» пути совокупность родов, каждый из которых (как было заведено еще на рубеже III и II тысячелетий до н.э. в Повисленье) занимался преимущественно мобильным скотоводством и имел своего вождя, уже с X–VII вв. до н.э. окруженного воинами-всадниками. В скифский период праславян – венедев у сколотских племен Правобережья Днепра («скифов-пахарей»), которые по ошибке, замеченной Геродотом², относились к скифам, с VI–IV вв. до н.э. также выделяется дружинно-всадническая прослойка, что археологически доказывается локальным наличием оружия и многочисленных предметов роскоши. Симптоматично, что сколотский союз праславян, научившихся ковать железное оружие и строить крепости на южной границе буго-днепровского ареала, по-видимому, и был образован сначала для необходимости отражения наездов кочевых киммерийцев, а затем вошел в состав «Скифской федерации», богатой своей военно-дружинной идеологией³ и в рамках которой он сохраняет определенную автономию. И в то же время не подлежит сомнению сильное сращивание праславянской культуры со скифской, в т.ч. восприятие славянской знатью всех основных элементов скифской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль). Но развившись до определенной ступени территориально-политической (союз четырех племен) и социально-экономической (выделяется богатая знать, наличие экспортного земледелия) самоорганизации, по сути, – до уровня государственности или около того, ход дальнейшего сколотского единения прерывается сарматским нашествием II в. до н.э.⁴ Активность

² Геродот. История: В девяти книгах / пер. с греч. Г.А.Стратановского; под общ. ред. С.Л.Утченко. Л., 1972. С. 188.

³ Предания той эпохи играли важную идеологическую и не исключено, что квази-правовую роль. В частности, известно предание о разделе скифского народа на «палов» и «напов» в результате их междоусобицы, переданное в рассказах Диодора (см.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 250) и Гая Плиния Секунда (*Pliny. Natural history. Vol. II: Libri III – VII / Transl. by H. Rackham. Massachusetts – London, 1962. P. 352–353*). Некоторые исследователи объяснили его интересным для нас образом. Оно повествует о становлении иерархии в скифском обществе, где сначала рисуется картина цельного общества, затем разделение на «палов» (в переводе – «воины», «дружина») и «напов» («простолюдины», «община») проявляется, вследствие чего происходит вражда, поскольку «народ» не желает уступать власть над собой «войску». В конечном счете победу одерживают «воины», а сокрушенный «народ» оказывается вынужденным подчиниться их гегемонии (см.: Раевский Д.С. Мифы скифской культуры. М., 2006. С. 100–101).

⁴ Б.А. Рыбаков пишет, что сведения о славянах появляются лишь столетие спустя после Страбона (*Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982. С. 19–20, 29 – 30, 33*). Однако Страбон достаточно знаком с этнонимом «энетъ» (венеты, венеде), правда, в итальянской их локализации (см.: *Страбон. География в 17 книгах / пер. с греч. Г.А.Стратановского; под общ. ред. С.Л.Утченко. Л., 1964. С. 511*).

праславян остатками наблюдается лишь у Причерноморья, где они и предстают в трудах современников как часть скифских (готских) народов, и только со II в. н.э. обнаруживается новый виток социально-экономической жизни Среднего Поднепровья.

В свою очередь, западнославянские племена, частично переместившиеся в Среднее Поднепровье вследствие натиска германцев, и т.н. скифские славяне резко выделяются своим хозяйственным (появление плужного земледелия, возделывание широкого спектра сельскохозяйственных культур, наличие гончарного, поделочного и отделочного ремесла, наличие больше-семейных сел, объединенных общей оборонительной линией) потенциалом, возобновлением широких торговых связей (археологически фиксируется римский акцент) и появлением знати – князей, дружинников, что опять расценивается некоторыми как складывание первичной государственности⁵. Локализуясь с конца II в. до н.э., т.е. еще до начала своего переселения, в районе Висло-Одерского междуречья, древние славяне как пока единый этнос вступали в тесное культурное взаимодействие с кельтами, в результате которого у них не ранее III в. археологически наблюдается появление предметов вооружения и воинского снаряжения⁶. Такое влияние на славянский генезис было чересполосным, неодинаковым и, во многом, сказывалось на активности их развития и предопределило в них тенденцию к различной археолого- и социально-культурной самоидентификации. По замечанию Страбона, скифы (а именно славяне пшеворского региона) уже на рубеже эр переходят Дунай, т.е. северную границу Рима, что является прямым свидетельством современника о первичном, по сути, вооруженном просачивании славян на территорию империи, поскольку ассоциировалось с их во-

⁵ См. подробнее: *Греков Б.Д.* Киевская Русь / отв. ред. Л.В.Черепнин. М., 1953. С. 427; *Милов Л.В.* RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94–100. Вместе с тем встречаются и преждевременные, не имеющие достаточного археологического и историографического подтверждения трактовки относительно внутренней организации венедов как союза племен государственного характера (см., например: *Ершов С.А.* Русь древняя и настоящая (историко-аналитический очерк-сборник). М., 1999. С. 43–44).

⁶ Принадлежности воина-всадника встречаются в пшеворских (позднелужицких) захоронениях благодаря западногерманскому ритуалу и в то же время не свойственны чисто славянским погребениям. Причем ареал военно-предметного обнаружения гораздо более отчетлив на украинской части пшеворской территории, основное количество которых приходится на II–III вв., что «свидетельствует о пребывании в Поднепровье значительного количества конных отрядов, обеспечивающих передвижение пшеворцев на юг» (См. подроб.: *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян / отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1979. С. 57, 58–59, 64, 71; *Археология Украинской ССР: В 3-х т. – Том 3: Раннеславянский и древнерусский периоды* / отв. ред. В.Д.Баран. Киев, 1986. С. 52, 56–57, 61; *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 91).

инской мощью⁷. Рядом исследователей отмечается также участие славян как скифских, так и Среднего Поднепровья в знаменитых «скифских» войнах 238–271 гг. Передвижению славянских племен способствовала и социальная дифференциация: рост дружин и усиление власти вождей-князей, что, с одной стороны, усиливало уход простых общинников в северные леса «в целях сохранения свободы от возраставших повинностей», а с другой – «князья и дружинники открывали новые направления колонизации – на юг»⁸. Вскоре подвижность венедских сообществ, помеченная Тацитом ареалом от Прибалтики до сарматских степей⁹, культурно доминирующая роль венедов значительно подрываются гуннским нашествием 370-х гг. А по наблюдениям Б.А.Рыбакова, славянское общество лесостепи в II–IV вв. по уровню международных связей, роли дружинного элемента и взаимоотношений с северными славянами было очень близко к тому, на котором оно оказалось в VI в. после преодоления последствий гуннского вторжения¹⁰.

Социальный фон истории Восточной Европы уже определяется потомками венедов – славянами и антами. Здесь одним из первых о собственно славянском войске можно признать свидетельство Корнелия Тацита о морских походах славян-венедов, начиная с середины III в., на юг¹¹. Позднее, согласно археологическим данным, в IV в. действительно отмечается переселение «дружинников» и племенной знати полян, северян, уличей на юг, где они были известны Византии под этнонимом «росомоны» и затем, в V–VI вв., двинулись на Балканы. Перемещения «русских» дружинников в IV–V вв. по степям между Средним Приднепровьем и «Русским морем» обрели уже регулярный характер, вероятно вливаясь в те военные союзы, которые в конце IV в. потекли в Западную Европу.

⁷ Он отмечает также факты вооруженного притеснения скифами фракийских племен (см.: *Страбон*. Указ. соч. С. 279, 314).

⁸ Дружинный фактор такой колонизации, по мнению Б.А.Рыбакова, являлся определяющим. Он пишет, в частности, что «далекие северные племена, внедрившиеся ... в литовско-латышскую и отчасти финно-угорскую среду, начинают частичное возвратное движение на покинутый некогда юг», основой чего «был рост племенных дружин, ощутивших себя в достаточной мере сильными» для этого (*Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 44–45, 47).

⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1994. С. 39.

¹⁰ При этом он добавляет, что этот же период выделяется большей глубиной социальных процессов и устойчивостью развития общества, чем в последующее тысячелетие (*Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 45–46).

¹¹ К более раннему можно отнести его же упоминание о том, что славяне-венеды начинали подбираться к дунайским гирлам еще с конца I в. н.э. (см.: *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 222), но ясность в том, какой именно – военный или исключительно миграционный характер носили эти передвижения, отсутствует (см. подроб.: *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 338, 350–351).

О военно-славянском присутствии, имеющем характер дружин, говорит и Прокопий Кесарийский в рассказах о войнах в Италии 547 и 549 гг.¹² Этого же периода касаются рукописи фессалоникийского архиепископа Иоанна (конец VI в. – первая половина VII в.), более известные как «Чудеса святого Димитрия Солунского», в которых говорится о «варварском» войске со славянским участием как об отборных, опытных воинах¹³. Успех таких походов на Византию объяснялся первоисточниками как численным превосходством славянских войск, так и тем, что со стороны славян действовали также отборные, хорошо вооруженные по отношению к основной воинской массе силы¹⁴. Данные о численности дружин говорят скорее об объединении дружин нескольких племен, имеющих союзнические отношения в результате переселенческой интеграции, либо о том, что наряду с дружинниками в славянских отрядах принимало участие какое-то число воинов, не входивших в дружинный слой и использование которых практиковалось до появления постоянных дружин. По завершении похода такие дружинные или смешанные коалиции разрывались, поскольку дальнейшее их «бродение» под одним началом в условиях еще отсутствия постоянного и общего содержания вряд ли было бы возможным. Вместе с тем, что касается дружины как современного тому явления, то археологические памятники также подтверждают связь сконцентрированного в них инвентаря с воинами-дружинниками. В городище Зимно, относящемся как раз к VI–VII вв., обнаруживаются ремесленные изделия, предназначавшиеся для «дружинного» сословия в порядке межплеменного обмена, само оно признается местом пребывания имущественно выделяющейся в V–VII вв. дружины и племенной знати. Дружинный след проходит также целой серией богатых кладов пражско-пеньковского типа в Среднем Поднепровье, Поднестровье, Нижнем Подунавье, который несет в себе отпечаток именно славянского, а не кочевнического мира. Кроме того, очевидно, что дружинное находничество времен Прокопия Кесарийского и автора «Чудес» могло иметь место со стороны славянских племен либо союзов племен различной локализации, не иметь консенсуального или синхронного характера и при этом прежде всего с восточноевропейского ареала их обитания.

¹² В комментариях отмечается также, что славянская «стратегма» выступает на этот раз в качестве конного войска (см.: Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1994. С. 189, 191, 234, 235–236). Вместе с тем признаётся, что, например, у антов в отличие от гуннов преобладал пеший строй и поэтому византийская армия нуждалась в них в наименьшей степени (Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1994. С. 304).

¹³ Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. Том II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г.Г.Литаврин. М., 1995. С. 99, 185.

¹⁴ Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 235, 236, 241–243, 247, 260, 262, 263, 266, 267, 269, 270, 272. См. также: Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 26.

Почти одновременно наличие дружин более всего отмечалось у праславянского государственного образования антов до начала VII в., укрепленные поселения которых уже говорят об активном их участии в войнах либо вовлечении в них, о вступлении антов с течением времени в «высшую стадию варварства, в эпоху военной демократии»¹⁵. Все это происходит на фоне интенсивного разложения патриархальной семьи, сменявшейся территориальной общиной, о чем говорят археологические свидетельства разноэтнического включения и хозяйственного, ремесленного значения. На последней стадии такого разложения несоизмеримо возрастает значение племенной организации¹⁶, где возникает дружина, существовавшая главным образом за счет соплеменников и богатевавшая в результате постоянных военных походов, совершаемых ими самостоятельно, коалиционно или на основе найма. Данное обстоятельство удостоверяется находкой предметов византийского производства, при том что существование торговли в 3-ей четверти I тысячелетия археологически почти не подтверждается¹⁷. Этот же период, V–VI вв., обозначается и реставрацией обогащающейся племенной знати, при активном участии которой и осуществлялись миграционные процессы. Знаменитый пассаж Прокопия Кесарийского о том, что «склавины и анты ... издревле живут в народовластии»¹⁸, проливает свет на общий принцип управления или, точнее, самоуправления этих народов. Управление у них не строится на единоначалии, дела ведутся сообща, но не всегда удачно. Так, по свидетельству византийского полководца Маврикия, изложенному в его труде «Стратегикон», меньше относящемуся к управлению, но местами затрагивающему этот вопрос, племенам «склавов» и антов, будучи свободонравыми, не склонными «повиноваться, особенно в собственной земле», свойственен плюрализм мнений, когда «они враждебны друг другу и при этом никто не желает уступать другому»¹⁹.

Интересно, что на фоне именно антских сообществ прослеживаются родовые истоки дружины, изначально лишь как группы охотников, перерастающей, – по мере перехода от матриархальных основ к патриархату, – сначала в

¹⁵ Мавродин В. Древняя Русь. М., 1946. С. 52.

¹⁶ Эпизод Прокопия Кесарийского с Хильбудием как раз рисует нам, насколько огромной властной силой обладали общинные собрания над другими возможными структурами антского общества; с явным выделением знати и князей. Это и пассаж о принуждении человека признать себя Хильбудием, римским военачальником, об антской верхушке как его «хозяевах», о 70-ти антских «вельможах» (см. под-роб.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П.Кондратьева; отв. ред. Е.А.Косминский. М., 1950. С. 294–298).

¹⁷ См.: Археология Украинской ССР: В 3-х т. – Том 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / отв. ред. В.Д.Баран. Киев, 1986. С. 165–166.

¹⁸ Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1994. С. 183.

¹⁹ Маврикий. Стратегикон // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 254.

охранное, а затем – военно-наемное сообщество мужчин, вооружение и ратные навыки которых улучшались по мере их участия в походах на Византию под гуннским и после аварским руководством. Отсюда не случайно письменные источники этой же поры замечают участие «дружины» антов и собственно славян на службе в хазарском войске в качестве наемников²⁰.

Прокопий Кесарийский отмечает участие антов и «склавлен» вкупе с гуннами в византийской коалиции при осаде Рима в апреле 537 г. Под 539 г. отдельно подчеркивает успешность воинов-славян в т.н. разведывательном деле, под концом 545 г. описывает случай с победой герулов над другими, по-видимому, не являвшимися византийскими сателлитами, «варварами-склавенами», что для многих все равно было «сверх ожидания». Отдельным пассажем об упреке предводителя «варварского» войска Иоанна пробегает у Прокопия Кесарийского также характеристика славян известным византийским полководцем Флавием Велисарием о том, что Иоанн не идет на Рим, «хотя имеет при себе лучших, отборных варваров», среди которых несомненно находились и анты, «лучше всех» умеющие «сражаться в гористых и труднодоступных местах»²¹. Также им приводится случай, когда войско славян в 3000 человек разбило преимущественное по численности войско римлян в Иллирии и Фракии, используя тактику внезапности и раздельного боя²², что дает повод мотивировать столь блестящие результаты славян присутствием в основной массе их войска отборных и хорошо вооруженных сил.

В своем наставлении по поводу того, как вести военные действия с «склавенами» и «антами», византийский полководец и император Маврикий отчасти подтверждал характеристику, данную им предыдущим автором²³. Отдельно от-

²⁰ См.: *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. С. 42–43.

²¹ См.: *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева; отв. ред. Е.А. Косминский. М., 1950. С. 156, 243–244, 294, 310, 319–320; *Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.)* / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 233.

²² Прокопий Кесарийский, видимо, акцентирует успех славян на том, что они «хотя ... и были разъединены», разбили римлян «благодаря ... внезапному нападению» и даже «обратили в бегство» одну из лучших регулярных конниц, возглавляемую «телохранителем» самого императора Юстиниана (*Прокопий из Кесарии.* Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева; отв. ред. Е.А. Косминский. М., 1950. С. 364, 373). О нападении склавын (славян левобережья Дуная) на Фракию в марте 559 г. – см. также свидетельства византийского хрониста Иоанна Малала: *Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.)* / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 268, 271.

²³ Проецируя ратные достоинства славян, Маврикий в своем труде «Стратегикон» начинает уже с того, что «успех» нападения на неприятельскую землю возможен в условиях, если уже имелся опыт побед с неприятелем, либо «при неожиданном нападении» (см.: *Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.)* / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 369,).

мечает он их умение маскироваться в зарослях и воде. Относительно вооруженности замечает, что если «каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями», то «некоторые из них и щитами», пользуясь также «деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом»²⁴. Однако то, как он описывает характер ведения ими боя²⁵, дал основание полагать, что речь идет скорее о славянах, военная специализация которых говорила об поместном их значении²⁶, что однако не исключает явно заниженной Мавриkiem оценки знаний «варварами» боевого строя²⁷.

Отсюда оппозиционным фоном и звучит описываемое Иоанном Эфесским опустошение, которое славяне произвели во Фракии в 581 г. Он, рассуждая, конечно, и с позиций нанесенного ущерба и добытой ими военной выручки, констатировал, что «они научились воевать лучше, чем ромеи», и это те, которые были «люди простые», не осмеливавшиеся «показаться из лесов» и не знавшие, «что такое оружие, кроме двух или трех» метательных копий²⁸. Некоторые из них, по свидетельству Агафия Миринейского, даже известные в византийской армии полководцы²⁹. Иоанн Бикларский отмечает военное присутствие славян во Фракии под 576 г. и под 579 г. – в составе аварского войска, а под 581 г. – также в Иллирии и в собственном качестве³⁰.

В то же время ясно, что сами анты, сформировавшись в III – IV вв. в условиях взаимодействия с ираноязычным населением, представляли собой

²⁴ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 369–371.

²⁵ Маврикий пишет, в частности, что «они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают», нападают с криком, а ели он не возымел устрашающего воздействия, не вступают в рукопашный бой, «убегают в леса», получая там «большое преимущество». «В сражениях вредят им метания стрел, неожиданные нападения на них, атаки из различных мест» (см.: Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 371, 373).

²⁶ См. об этом: Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 385. Вместе с тем не вызывает сомнения, что если эти наставления сравнивать с пассажем Прокопия Кесарийского, то Маврикий отчасти рекомендует «войну» с антами и склавенами их же методами.

²⁷ Ср. сообщение Маврикия (*Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева; отв. ред. Е.А. Косминский. М., 1950. С. 297) и выводы по нему А.Клибанова (*Клибанов А.* Военная организация на старите славяни // Исторически преглед. Кн. 2. София, 1945–1946. С. 193–194).

²⁸ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 279.

²⁹ Речь, например, идет об анте Дабрагезе, являвшемся командиром постоянно прибывающего при нем конного отряда федератов (см.: Указ. раб. С. 325).

³⁰ См.: Указ. раб. С. 396.

союз племен. Они, по замечанию В.В.Мавродина, являлись теми же славянами, но в тюркской интерпретации, поскольку вследствие гуннского набега были «примучены» аварами и считались их союзной территорией³¹. Помимо антов, славяне под «своим именем» обитали западнее Днестра и в греческих источниках именовались «склафинами». Начиная с V в., территория Восточной Европы решительно занимается славянскими племенами, вытесняющими либо ассимилирующими балтов и финно-угров. Это были славяне, обживающие северные леса и неведомые византийским источникам, но хорошо известные Иордану, который к середине VI в. и выделял все три ветви славянского мира³². Скорее всего славяне и анты представляли собой не единый народ, а группу племен, объединявшихся под властью одного вождя – предводителя лишь для обороны и военных походов – рикса³³. Такой конгломерат племен или союзов племен был не столько политическим, сколько военным; он не являлся прочным и его организационные формы вполне могли укладываться в межплеменные либо те же племенные сходы³⁴. Но даже такая конфедерация после варварских разгромов потеряла политическое единство, некоторое время сохраняя общность материальной культуры, пока не была поглощена более сильными этномассивами³⁵.

³¹ Мавродин В.В. Происхождение русского народа: монография. Л., 1978. С. 46.

³² Иордан. О происхождении и деяниях гетов: *Getica*. М., 1960. С. 90.

³³ Примечательно, что титулатура «рикс» применялась и к славянским правителям «варваров», которые по византийской традиции не только обладали всей полнотой власти, но и имели в своем подчинении правителей более низкого уровня (см. подроб.: Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 48–49, 79). Славянскими «риксами» названы, в частности, у Феофилакта Симокатта – Мусокий (см.: Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 25), а у Маврикия – несколько племенных вождей (Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х т. Том I (I–VI вв.) / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 375, 389).

³⁴ Однако, во всяком случае, нельзя считать признанной оценку дореволюционным историком права А.Н.Филипповым сведений Прокопия Кесарийского (в части описания им собраний славян и антов) как подтверждения существования веча уже в VI в. (Филиппов А.Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Часть I. Юрьев, 1907. С. 155).

³⁵ Археологически прослеживается преобладающее социально-культурное и хозяйственное «поглощение» антских (пеньковских) принадлежностей славянами культур Лука-Райковецкой и волынцевских древностей – Западного и Левобережного Поднепровья (см.: Археология Украинской ССР: В 3-х т. – Том 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1986. С. 167). Однако с позиций противоречивости взаимоотношений антов и склавен интересен эпизод Прокопия Кесарийского, где говорится о «подогретой» Византией войне антов с склавенами и «что в этой войне анты были побеждены врагами» (Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева; отв. ред. Е.А. Косминский. М., 1950. С. 295). Анты и склалены, таким образом, были самостоятельными социально-политическими образованиями, военные силы которых могли наниматься синхронно, разными «нанимателями», в различных и даже противоборствующих целях.

В VII–XI вв. на восточнославянской территории возникает ряд ремесленно-торговых поселений (например, Ладога, Гнездово), где археологический материал фиксирует «дружинный» элемент в составе их населения³⁶. Дружинный же потенциал «ключевых» восточнославянских племен (племенных союзов) предгосударственной эпохи различен, но так или иначе прослеживается. Обращение к основным археологическим исследованиям систематизирующего характера³⁷ рисует нам ясную, но пеструю картину, излагать все детали которой нет необходимости. Обобщенно выделим следующее, заведомо отметив в качестве общеславянского, что летописно указываемые некоторые внутриплеменные родовые группировки VIII–IX вв., на самом деле, являются уже не хозяйственными, производственными единицами, а выступают общественной формой, имеющей брачно-родственную основу и выполняющую в основном административные функции.

Дулебское сообщество с его гнездовыми типами поселений выделяется собственным производственно-оружейным делом, хотя не исключается попадание оружия и через торговлю. Вместе с тем отмечаются уже с VI в. места (например, городище Зимно) военно-административного значения, где пребывают дружина и племенная знать³⁸, имущественно выделяющиеся и локализующиеся от остальной массы дулебского населения. Позднее (с VIII в.) появляется большее число городищ, служащих политико-экономическими центрами и убежищами для общин. Из состава именно дулебского многоплеменного сообщества и маркируются бужане (вольняне), древляне, поляне и отчасти дреговичи. Вольняне, представляющие тесно-племенную группировку, имеют незначительный вооруженный материал, который отдельными дружинными могильниками выделяется лишь к X–XI вв. В то же время древляне как первоначально одна из региональных групп восточного славянства территориально обособились благодаря выделению у них собственной племенной организации со своими вождями, каждый из которых окружен воинами. На коалиционном (общеплеменном) уровне они вполне могли позволить себе более или менее

³⁶ См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1982. С. 243.

³⁷ Детальный обзор археологических данных см.: *Археология Украинской ССР: В 3-х т. – Том 3: Раннеславянский и древнерусский периоды* / отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1986. С. 136–137, 140, 147, 149, 150–153, 165–167, 171–172, 174, 194, 199, 201–203, 206, 208–212; *Седов В.В.* Указ. соч. С. 16, 18, 22, 24, 26, 30, 32, 51, 56–58, 63, 65, 90, 92–94, 97, 101, 106, 113, 116–120, 122, 125, 128–130, 132, 136, 138, 140–143, 148–151, 157–158, 162, 164–165, 168–171, 174, 180, 188 – 189, 192, 194, 242, 248 – 252, 255, 269–270.

³⁸ Факт военной организации дулебов подчеркивал еще В.О.Ключевский, считая его первоначальным для отечественной истории (*Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1937. С. 104).

автономное военное присутствие, но было ли оно дружинным – факт бесспорный³⁹. Дреговичи – отдельное самобытное племя, имевшее собственную территорию, обжитую малосемейными брачно-родственными коллективами, и свое княжение, но в плане вооружения весьма скудное. Однако в части контактов с балтоязычными племенами (ятвагами) могли уже обзавестись контактами наемного типа с конным и пешим войсковым контингентом. Впрочем, конновсаднический тип вооружения для ятваг, как и многих балтских племен, является индикационным признаком их контакта с пшеворскими древностями, а дружинный формат их войска – уже вполне характерным качеством их военно-политической самоидентификации.

Хорваты (белые хорваты) и тиверцы как западные региональные группы восточного славянства и часть антских сообществ представляются полугосударственными племенными образованиями, у которых местная правящая среда выделяется лишь к XI в., да и то в их контактной зоне. Это объясняется тем, что их собственная военно-дружинная доминанта была существенно снижена неоднократными набегами кочевников (степняков). Аналогичным образом проявляются и уличи, которые до тюркского их притеснения в область Побужья, где они и ассимилировались, вместе с тем успели оставить более заметный след княжеско-дружинного присутствия, политикой которого были возведены многочисленные укрепленные городища и селища.

Локально-племенные группировки днепровских славян – северян выделяются повсеместным распространением предметов вооружения, что свидетельствует о развитости у них не только железоделательного и железообрабатывающего ремесла, но и о том, что они как колонисты вполне могли иметь мобильные группы хорошо вооруженных воинов. Уже в VI в. у северян отмечается свой племенной союз во главе с «великим» князем. Вятичи – также восточнославянская группировка, но во главе со «светлым» князем⁴⁰, – лишь ритуально не маркируются предметами вооружения. Однако богатый вещевой потенциал могильников с большей вероятностью допускает наличие племенной знати, вооружающей в коммерческих целях отдельные группы мужчин, в т.ч. из числа ас-

³⁹ Еще М.С. Грушевский настаивал на отсутствии у древлян дружин, подтверждаемом археологическим сравнением полянских могильников с древлянскими, где оружие встречается очень редко, а само вооружение бедно (*Грушевский М.* Указ. соч. С. 293 – 294). Более мягкую оценку такому обстоятельству дает и А.А.Горский, подчеркивая, что «киевские князья над древлянскими имеют только одно преимущество – у них более сильные дружины» (*Горский А.А.* Русское Средневековье. М., 2010. С. 35).

⁴⁰ Арабский автор Ибн-Русте, характеризуя союз вятичских племен IX в., сообщает о том, что «свие-малик» («светлый князь») славян имеет «верховых лошадей» и «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги», очевидно принадлежавшие дружинникам (см.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. М., 1965. С. 388).

симилируемого ими местного балтского населения. Радимичи – группа славян, уже управлявшаяся племенными вождями, имевшая свое коалиционное войско и тем самым самостоятельность с VIII в.

Кривичи смоленско-полоцкие – этнографическая группа кривичских славян, предметы вооружения которых встречаются в знаменитых могильниках (например, Гнездовском), принадлежавших преимущественно дружинам со смешанным этническим составом с преобладанием скандинавского культурного элемента. Не исключается, что смоленско-полоцкий ареал кривичей представлял собой сеть племенных центров со своими дружинами, которые в X в. преобразовались в дружинные пункты – военно-торговые домены. Развитие местного торгово-ремесленного мастерства и торгового купечества некоторое время позволяло синхронно доминировать в имущественном плане как племенным, так дружинным элементам, а также и отдельным частно-купеческим вооруженным группам. Локализуемая в псковском регионе другая этнографическая группа кривичских славян – кривичей псковских лишь относительно беднее смоленско-полоцких, где военное дело и охота сплетены теснее.

Словене – распространившееся в IX–X вв. в Новгородской земле славянское население, – отличаются концентрацией дружинных захоронений, оставленных преимущественно местным финским населением, но возникших с IX в. под славянским и скандинавским влиянием. Словене предстают в качестве группы племен финского населения, ассимилированного преимущественно славянскими колонизаторами, и имеющих собственных вождей. Однако что касается организации военного дела, то колонизированное население имеет собственные дружины, но большей частью – поместного характера, отдельные из которых с незначительным влиянием варяжского компонента обретают большую мобильность и локализуются в отдельные группы, преимущественно военно-торгового назначения. Не исключается также существование дружин и у местной знати, также ориентированной на военно-торговое дело. Самостоятельной военной силой наемного характера выступают здесь скандинавские дружины, оставившие богатые вооруженным материалом могильники, свидетельствующие об их оседании в словенском ареале в качестве дружинного форпоста. Отдельными поволжскофинскими группировками племен восточнославянской территории выступают чудь, мере и весь – ассимилируемые до IX в. небольшими группами кривичей, а ко второй половине IX в. значительным словенским потоком. Оружейная маркировка свойственна почти всей занимаемой этими племенами территории Волго-Клязьменского междуречья, что говорит о существовании у местного аборигенного населения собственных локальных вооруженных групп, специализирующихся более на ведении присваивающего хозяйства. Очевидно выделение военно-торговой племенной знати, где скандинавская компонента более всего отмечается с этнонимом «весь».

Таким образом, с конца IX в. дружинная тематика уже не испытывает такого источникового «голода», и институт дружины достоверно идентифицируется

как минимум в двух известных восточнославянских ареалах. Подтверждающего рода сведениями «дружинная» история, несомненно, пополняется и до сих пор, все более проявляя картину догосударственного устройства славянских обществ. Но уже изложенный краткий срез истории первого тысячелетия нашей эры и ключевых исторических оценок, во всяком случае, может служить основой выводов относительно дружинной проблематики праславянского и раннеславянского времени.

Как свидетельства современников, так и последующие исследования в какой-то мере правы, проявляя дружинный след в историческом развитии славян на разных этапах. Также понятно, что дружины у славян появились не со времени знаменитого варяжского находничества, хотя и это событие было знаковым. Они – результат многовековых социальных взаимодействий как внутреннего, так и внешнего характера. Какой из факторов сыграл преобладающую роль сейчас трудно сказать, но очевидно, что праславянское общество было самодостаточным катализатором дружинной культуры, воплотившейся в конечном счете в сложно-организационную форму.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2012 года.